

На обочине дороги стояла небольшая чайная лавочка, которая обычно вмещала не более семи-восьми человек, но сейчас была забита несколькими десятками людей. Все они были вооружены мечами и саблями, что сразу выдавало в них представителей мира боевых искусств. Хозяйка, одетая в ярко-красное платье, сновала среди толпы, не обращая внимания на то, как дорожные бродяги пачкают её новую одежду.

— Брат, ты тоже направляешься в городок Саньци? — К Цигуань Яню подсел бородатый мужчина, слегка пододвинувшись ближе.

Цигуань Янь на мгновение замер, а затем смущённо улыбнулся:

— Да, а вы тоже?

Большинство посетителей чайной лавки были простыми путниками, не отличавшимися особой опрятностью. Стояла жара, и запах пота едва не выносило на дорогу. Цигуань Янь сидел с краю, и запах рассеивался быстрее, но теперь, когда мужчина сел рядом, аромат его пота ударил прямо в нос.

— Ещё бы! — Мужчина, достойный звания «доблестного воина мира боевых искусств», говорил громко, разбрызгивая слюну. Цигуань Янь, не меняя выражения лица, поставил свою чашку с чаем. Он только что видел, как капля слюны попала в его чай. В таких уличных лавках не подавали хорошего чая, и обычно он бы не обратил на это внимания, но сейчас даже он, человек непритязательный, не смог продолжать пить.

— В этой чайной лавке, я уверен, почти все направляются в Саньци! — Мужчина вдруг наклонился к уху Цигуань Яня и понизил голос. Однако даже его шёпот был оглушительным, и слова, ворвавшись в ухо Цигуань Яня, заставили его почувствовать лёгкое головокружение.

Цигуань Янь внутренне вздохнул. Ведь это правда: по этой дороге до Саньци оставалось всего полчаса ходьбы, а в мире боевых искусств произошло такое событие, что все, кто здесь собрался, явно направлялись туда.

Мужчина хлопнул по столу, заставив всю деревянную конструкцию содрогнуться. Цигуань Янь открыл рот, но не произнёс ни слова.

— Не могу поверить! — Мужчина вскочил на ноги, явно переполненный эмоциями. — Не могу поверить, что кто-то мог поступить так с почтенным старцем Чжоу!

Цигуань Янь почувствовал себя неловко и, чтобы не дать окружающим подумать, что они знакомы, незаметно отодвинулся в сторону.

— В нынешнем мире боевых искусств больше нет места справедливости! — Мужчина хлопнул Цигуань Яня по плечу, не используя внутреннюю силу, но от его удара тот всё же вздрогнул. — Ради этой иллюзорной карты сокровищ и неведомых боевых техник, они убили почтенного старца Чжоу! Они хуже скота!

Цигуань Янь слегка кашлянул:

— Значит, брат, вы пришли не ради карты сокровищ и Меча Циляня?

— Чушь собачья! — Мужчина закричал. — Как я могу гнаться за такими вещами! Я пришёл, чтобы отомстить за Чжоу Юньфэна! Ты думаешь, я такой же, как все здесь?

Его голос был настолько громким, что, хотя в чайной лавке и стоял шум, его слова привлекли внимание. Многие начали с неодобрением смотреть на их стол.

Цигуань Янь почувствовал себя как на иголках. Он смущённо улыбнулся окружающим и потянул мужчину за пояс, пытаясь усадить его. Однако тот стоял как вкопанный.

В мире боевых искусств, где кровь кипит быстро, малейший конфликт мог привести к драке. Цигуань Янь заметил, что несколько человек уже наполовину вытащили мечи из ножен, и не знал, что делать. Хотя он и не был знаком с этим мужчиной, но сидел с ним за одним столом, и теперь ему тоже придётся отвечать за его поступки.

В этот момент из глубины чайной лавки раздался голос:

— Монах Хвастун? Ты опять начал хвастать?

Все замерли, а затем разразились смехом.

Монах Хвастун был известным шутком в мире боевых искусств. Он стал монахом в десять лет, но не прошло и года в Храме Шаолинь, как его выгнали за то, что он съел рыбу из пруда для отпущения грехов. Однако он утверждал, что получил благословение настоятеля и вышел в мир, чтобы наставлять людей. Теперь, когда у него отросли волосы и борода, он пил вино и ел мясо, совсем не походя на монаха, но продолжал утверждать, что связан с буддизмом, что вызывало насмешки.

Его слова больше никого не злили. Монах Хвастун любил говорить и делать необычные вещи, но при этом обладал неплохими боевыми навыками. Благодаря своей физической силе он занял сорок первое место в Списке знаменитостей мира боевых искусств.

Сорок первое место может показаться невысоким, но в мире, где боевые искусства процветают, и каждая школа или семья насчитывает сотни последователей, войти в сотню действительно считалось достижением.

Монах Хвастун, увидев, что все смеются, смущённо сел и, обращаясь к Цигуань Яню, сказал:

— Я не хвастаюсь! Я действительно не гонюсь за картой сокровищ и Мечом Циляня!

Цигуань Янь прикрыл рот рукой, подавив улыбку:

— Я знаю, мастер. С первого взгляда видно, что вы связаны с буддизмом.

Монах Хвастун остался доволен и спросил:

— Я, Ушань, не хвастаюсь, но в мире боевых искусств я видел множество людей, а тебя, брат, раньше не встречал. Судя по твоему виду, ты не из тех, кто остаётся в тени.

Цигуань Янь слегка улыбнулся:

— Просто никому не известный человек, не стоит внимания.

Монах Хвастун не стал настаивать. В мире боевых искусств было много грязных историй, и у каждого было прошлое, о котором он не хотел говорить.

— Тогда ты пришёл ради карты сокровищ и Меча Циляня? — Монах нахмурился, и его лицо, покрытое морщинами, исказилось, что выглядело довольно забавно.

Цигуань Янь, подражая ему, понизил голос:

— Да, хоть я и никому не известен, но хочу попытаться счастья. Если удастся получить карту сокровищ и стать богаче, или заполучить Меч Цилянь и постичь Искусство меча Циляня, это будет прекрасно!

Монах Хвастун посмотрел на него с укором:

— Ты ещё молод! Вместо того чтобы идти правильным путём, ты думаешь о таких глупостях!

Цигуань Янь не обиделся и лишь улыбнулся:

— Не буду скрывать, в детстве я заболел, и это повредило моё Море ци. Теперь я не могу заниматься внешней или внутренней культивацией, и только такие мечты дают мне силы продолжать идти вперёд.

Монах Хвастун с сожалением посмотрел на него. Цигуань Янь был высоким и хорошо сложенным, и если бы его Море ци не было повреждено, любой достойный учитель смог бы сделать из него бойца. Но теперь, без возможности развивать внутреннюю силу, это было невозможно.

Возможно, из-за сочувствия он тихо спросил:

— У тебя уже есть какие-то зацепки?

Цигуань Янь слегка кивнул и подмигнул ему.

Несмотря на тесноту в чайной лавке, в стороне от шума стоял отдельный столик. Хотя вокруг

него было четыре скамьи, на одной из них сидел только один человек. Он сидел спиной к остальным, и виден был лишь его стройный силуэт. Он был одет в белые одежды, что резко контрастировало с грязной и тесной лавкой.

— Он? — Монах Хвастун удивлённо спросил:

— Ты его знаешь?

Цигуань Янь ничего не ответил, лишь улыбнулся и направился к тому месту. Монах Хвастун решил, что он хочет разузнать новости, и не стал его останавливать.

Цигуань Янь остановился рядом с тем человеком, почтительно поклонился и с улыбкой сказал:

— Внутри слишком тесно, а я заметил, что у вас здесь есть свободное место. Не возражаете, если я присяду?

Молодой человек в белом обернулся и холодно ответил:

— Я ничего не знаю о карте сокровищ и Мече Циля.

Цигуань Янь удивился:

— Что?

Молодой человек сидел прямо:

— Ты хотел узнать у меня новости, но я ничего не знаю. Лучше скажу сразу, чтобы ты не тратил время.

Цигуань Янь понял, что тот слышал его разговор с монахом Хвастуном. Хотя монах говорил громко, сам Цигуань Янь говорил тихо. Этот человек смог услышать его слова в таком шуме и на таком расстоянии, что говорило о его выдающихся внутренних силах, недоступных обычным людям.

<http://bllate.org/book/15275/1348458>